

Юэ Линчжи строго спросила: Понял?

Цинь Сюань кивнул: Я понял. Я готов ждать. Подожду, пока Сяо Тао перестанет бояться, пока я не дам ей достаточно чувства защищенности, и только потом заговорю о том, чтобы взять её в жены.

Юэ Линчжи осталась довольна. Она произнесла: Я знаю, ты наверняка думаешь: мы с Сяо Тао друг другу никто, так почему я отношусь к ней так хорошо? Неужели у меня есть какие-то скрытые мотивы? Но какие могут быть мотивы? Мне просто жаль Сяо Тао, вот и всё. Тем, кто идет по пути совершенствования, и так нелегко, а уж ученикам-разнорабочим в такой огромной секте — тем более. Я...

В прошлой жизни я была на её месте: не любила высовываться, боялась привлечь лишнее внимание, не смела носить хорошую одежду или украшения. Если у меня что-то отбирали силой, никто не заступался, и я не смела прихорашиваться, боясь повторить судьбу других сестер, которых с радостью забирали на воспитание, а они возвращались покрытые шрамами. До восемнадцати лет моя жизнь была сплошным мраком — я ничего не смела делать, опасаясь, что однажды меня заберут, и тогда всё, что у меня было, перестанет мне принадлежать.

Вспоминая те самые темные времена прошлой жизни, Юэ Линчжи на мгновение замолчала, а затем продолжила: Когда управляющий привел столько людей, я сразу выбрала Сяо Тао. Не из-за чего-то другого, а из-за её чистых глаз. Я подумала: у человека с таким чистым взглядом, чему бы я её ни учила, пока я добра к ней, что бы она ни обрела в будущем, она точно не предаст меня. А пока она не предает, я буду защищать её, буду считать своей.

Глаза Сяо Тао уже наполнились слезами, в них светилось глубокое трогательное чувство. Мао-эр вставил: А как же я?

Юэ Линчжи ответила: Мао-эр тоже хороший мальчик, мой дядя даже хвалил тебя. Конечно, ты тоже свой!

Мао-эр сразу заулыбался.

Цинь Сюань посмотрел на Сяо Тао и сказал: Где Сяо Тао, там буду и я. Я хочу присматривать за ней, чтобы её никто не обижал.

Юэ Линчжи окинула взглядом его фигуру и заметила: Тогда хорошенько подумай. Если останешься, вся тяжелая и грязная работа ляжет на твои плечи.

Цинь Сюань ответил: Лишь бы быть рядом с Сяо Тао и чтобы кормили досыта — хоть убивать прикажите, я справлюсь.

Юэ Линчжи подумала: Ха-ха, убивать? Ты-то справишься, а вот у меня могут быть проблемы.

Она сказала: Ну что ж, договорились. Раз вы теперь со мной, предательство недопустимо, понятно?

Сяо Тао энергично закивала. Мао-эр смотрел на неё сияющими глазами и, заметив, что она взглянула на него, нетерпеливо закивал. Цинь Сюань добавил: Пока ты добра к Сяо Тао и не даешь мне голодать, я никогда тебя не предам.

Юэ Линчжи только собиралась предложить приступить к еде, как услышала слабый голос: И я. Я тоже не предам тебя.

Она обернулась и увидела Шэнь Хуаньняня. Она улыбнулась ему: Почему не лежишь отдыхать?

Шэнь Хуаньнянь опирался на дверной косяк. Несмотря на то что раны были смазаны мазью, каждое движение отдавалось болью во всем теле, но он решительно вышел из комнаты: Я тоже здесь. Меня зовут Шэнь Хуаньнянь, я на третьем уровне стадии Тренировки Ци. Я пока ничего не умею, но готов учиться. Ты подобрала меня, и теперь моя жизнь принадлежит тебе.

Он повторил: Я не предам тебя.

Юэ Линчжи ответила: Конечно, я верю, что ты не предашь, но сейчас твоя главная задача — поправиться. Мао-эр, помоги брату Хуаньняню вернуться и отдохнуть.

Закончив, она наконец произнесла то, что хотела сказать давно: Ну всё, давайте ужинать!

Сяо Тао приготовила рис «Нефритовый жир», на медленном огне потушила мясо в горшочке и сделала несколько блюд из духовных овощей. Жаль только суп: он долго томился, пока они разговаривали, и вся вода выкипела.

Когда Мао-эр отнес суп Шэнь Хуаньняню и все расселись за столом, они наконец начали есть.

Только тогда Юэ Линчжи поняла, почему Цинь Сюань так настаивал на том, чтобы его кормили досыта. Сяо Тао, конечно, знала аппетит Цинь Сюаня, поэтому приготовила огромный котел риса, и большую часть съел он один.

Из-за того, что Цинь Сюань активно налегал на еду, Юэ Линчжи показалось, что сегодняшние блюда вкуснее обычного. Четверка быстро расправилась с ужином, и в тарелках остался только соус. Юэ Линчжи лишь на секунду опустила голову, чтобы положить палочки, а когда подняла взгляд, Цинь Сюань уже вылил остатки соуса из тарелок себе в миску.

Юэ Линчжи не знала, смеяться или плакать. Она сказала: Впредь готовьте побольше!

После ужина Юэ Линчжи, как истинный «управляющий на отдыхе», ни во что не вникала:

наевшись, она вернулась рисовать талисманы, оставив остальных убирать посуду и заниматься делами, которые она распределила утром.

Ци Яньгуан пришел под вечер. Когда он появился, Юэ Линчжи была занята медитацией, Мао-эр и Сяо Тао ушли за продуктами, дверь открыл Цинь Сюань, а Шэнь Хуаньнянь лежал в кресле-качалке во дворе, греясь на солнце. Услышав шум, он слегка приподнялся. Вечерние лучи окрасили его слегка покрасневшие от солнца щеки в золотистый цвет. Увидев его в таком виде, Ци Яньгуан помрачнел.

Цинь Сюань объяснил: Старшая сестра Юэ медитирует. Я — новый ученик-разнорабочий, а это младший брат Шэнь, его несколько дней назад спасла старшая сестра.

Ци Яньгуан всегда был холодным и скупым на слова, он лишь кивнул и прошел во двор.

Все в секте знали о холодном и высокомерном нраве Ци Яньгуана, поэтому, увидев, что он лишь кивнул, Цинь Сюань не посмел больше ничего сказать. Заметив, что гость, похоже, собирается дожидаться Юэ Линчжи, он шустро принялся заваривать чай и доставать фрукты, оставив Шэнь Хуаньняня развлекать гостя.

Шэнь Хуаньнянь, преодолевая боль, встал. Ци Яньгуан с первого взгляда заметил, что тот стоит неестественно, и спросил: Раны не зажили?

Шэнь Хуаньнянь улыбнулся: Почти зажили, только места с кровоподтеками еще немного болят.

Ци Яньгуан кивнул и сам нашел чистое место во дворе, чтобы сесть.

Шэнь Хуаньнянь был наслышан о Ци Яньгуане в секте и, увидев, что тот садится прямо на землю, замер. Он подумал: Неужели такой человек, как старший брат Ци, может сидеть на земле?!

Но в следующую секунду испугался: Если старшая сестра Юэ узнает, что я позволил старшему брату Ци сидеть на земле, она меня не выгонит?

Он только открыл рот, чтобы что-то сказать, как Ци Яньгуан произнес: Садись.

Шэнь Хуаньнянь тут же сел.

Он сделал это так поспешно, что потревожил больное место, отчего болезненно поморщился. Заметив взгляд Ци Яньгуана, он тут же попытался изобразить улыбку на своем заплаканном лице.

Вид у него был настолько комичный, что даже на вечно холодном лице Ци Яньгуана промелькнула тень улыбки.

Он сказал: Как же ты неосторожен. На самом деле он хотел сказать мягко: Ты ведь ранен, нужно быть осторожнее. Но привычка к холодности взяла верх, и слова, которые должны были звучать как забота, прозвучали с налетом инея.

Даже несмотря на это, получить крупицу заботы от Ци Яньгуана было для Шэнь Хуаньняня чем-то невероятным. Он поспешно ответил: Я в порядке, ссс, правда, не больно, ссс-ссс.

Видя, как он говорит одно, а чувствует другое, Ци Яньгуан испытал досаду. Услышав, как тот шипит от боли, он невольно положил руку на ушибленное место и начал осторожно растирать его.

Ци Яньгуан был крепким мечником: его ладонь была широкой, пальцы — длинными, а на подушечках пальцев и ладонях виднелись толстые мозоли. Его руки всегда были теплыми и сухими. Шэнь Хуаньнянь вздрогнул от неожиданности, инстинктивно пытаясь отстраниться, но разве мог он быть быстрее Ци Яньгуана?

Если бы не вчерашние события, Шэнь Хуаньнянь не стал бы думать о плохом, но стоило ему вспомнить, что сделали те люди, как рука на его теле показалась ему раскаленной, способной оставить ожог.

Шэнь Хуаньнянь вскочил, но, оказавшись на ногах, не знал, как объяснить свою реакцию. Он мог лишь извиниться: Про, простите, старший брат Ци, я, я... Он не мог продолжать. Не мог же он сказать, что вчера стал жертвой насилия со стороны нескольких мужчин и теперь у него психологическая травма? Или что ему кажется, будто он оскверняет старшего брата своими чувствами, ведь он сам любит мужчин? Отвергнуть доброе намерение старшего брата — как ни объясняй, всё выходит неловко. В этот момент он был лишь рад, что они одни. Если бы те ученицы, что боготворят старшего брата Ци, узнали, что он отказался от его доброты, они бы разорвали его на куски.

К счастью, в этот момент появилась Юэ Линчжи.

Она рисовала талисманы, и когда духовная энергия в её теле почти иссякла, она собиралась, как обычно, сесть в медитацию. Вспомнив, что дядя утром обещал прислать своего ученика Ци Яньгуана передать ей кое-что, она инстинктивно открыла массив, чтобы посмотреть, нет ли снаружи гостей. И правда, Ци Яньгуан пришел.

Хотя странная поза Ци Яньгуана и Шэнь Хуаньняня вызвала у Юэ Линчжи любопытство, она знала, что даже если спросит, Ци Яньгуан ничего не ответит. Поэтому она сделала вид, что ничего не заметила, и пригласила гостя: Я была занята практикой и заставила вас ждать. Может, пройдем в дом, выпьем чаю?

Ци Яньгуан кивнул. Бросив взгляд на стоящего Шэнь Хуаньняня, он молча прошел в гостиную.

Там Ци Яньгуан не притронулся к чаю, а достал Сумку для хранения и произнес: Это просил передать учитель.

Юэ Линчжи приняла её, думая, что на этом разговор окончен, но он вдруг добавил: Тот разнорабочий во дворе, отдашь его мне?

Юэ Линчжи с легкой грустью посмотрела на него: Опять кто-то пришел забирать моих людей?

Она ответила: Гм, у вас там и так полно талантов. Не знаю, для чего он вам понадобился, но, думаю, стоит спросить его самого, хочет ли он идти с вами?

Ци Яньгуан кивнул и направился к выходу.

Шэнь Хуаньнянь уже спрятался в своей комнате. Ци Яньгуан постучал в дверь: Идем со мной.

Шэнь Хуаньнянь удивился: Идти? Куда?

Ци Яньгуан ответил: Ко мне.

Юэ Линчжи в этот момент пришла в себя и подошла к двери. Услышав их разговор, она пояснила за Ци Яньгуана: Старший брат хочет, чтобы ты пошел с ним к нему работать.

Ци Яньгуан кивнул, подтверждая.

Шэнь Хуаньнянь понял, в чем дело, и посмотрел на Ци Яньгуана: Старший брат Ци, вы очень добрый человек, но мне очень нравится работать у старшей сестры Юэ, и я не хочу уходить.

Юэ Линчжи не знала, показалось ей или нет, но лицо Ци Яньгуана потемнело.

Ци Яньгуан сказал: Я не добрый. Решишь — приходи в любое время. Голос его был настолько холодным, что Юэ Линчжи передернуло. Она произнесла: Благодарю, что зашли, старший брат Ци. Хуаньнянь еще не оправился от ран, ему нужно побыть у меня еще какое-то время.

Ци Яньгуан снова кивнул, больше ничего не сказал, лишь глубоко посмотрел на Шэнь Хуаньняня и спокойно удалился.

Когда он ушел, Юэ Линчжи спросила Шэнь Хуаньняня: Что с ним такое? Такой холодный человек, почему вдруг решил попросить у меня человека?

Шэнь Хуаньнянь ответил: Я и сам не знаю, почему он решил меня забрать. Но хотя старший брат Ци кажется холодным, сердце у него на самом деле доброе.

Юэ Линчжи спросила: Доброе? Разве он не привык держаться в стороне от чужих дел?

Шэнь Хуаньнянь рассказал: Только что я случайно оступился, и старший брат Ци хотел помочь мне размять ушиб. Но, наверное, из-за того случая я отстранился... Я отверг его доброту, но он не рассердился. Он правда очень добрый.

Юэ Линчжи: Ха-ха.

Она подумала, что может открывать брачное агентство: сначала Цинь Сюань и Сяо Тао, теперь вот старший брат Ци положил глаз на Шэнь Хуаньняня.

Как человек, который в прошлой жизни до тридцати лет не был замужем и в этой еще не состоял в отношениях, Юэ Линчжи почувствовала, как её сердце пронзило острой болью — осталась лишь капля здоровья.

Но сможет ли Шэнь Хуаньнянь принять любовь женщины?

Юэ Линчжи сомневалась. Из-за того случая у него наверняка психологическая травма, а отношение Ци Яньгуана больше напоминает отношение к «любимому питомцу», который не равен ему по статусу.

Возможно, отказ Шэнь Хуаньняня лишь разожжет в нем желание заполучить его, но даже если Шэнь Хуаньнянь поддастся, что его ждет, когда интерес Ци Яньгуана угаснет? У Ци Яньгуана столько поклонниц, они не станут разбираться, кто кого соблазнил, а лишь будут кричать о том, что нужно отомстить Шэнь Хуаньняню за «осквернение» их кумира. А на самом деле? Скорее всего, они будут сходить с ума от ревности.

Юэ Линчжи сказала: Ты знаешь, какой статус у старшего брата Ци в секте. Если те, кто восхищается им, увидят его заботу о тебе, они не подумают, что это просто доброта, они будут завидовать и мстить тебе. Поэтому, если сможешь, держись от него подальше.

Шэнь Хуаньнянь с благодарностью посмотрел на Юэ Линчжи: Я понял. Спасибо, что заботитесь обо мне.

Глядя на его по-детски наивное лицо, Юэ Линчжи вздохнула про себя.

Три года спустя.

Рынок внешней секты был таким же оживленным, как и три года назад, но теперь на месте

прежних лавок выстроились два ряда капитальных магазинов.

Юэ Линчжи гуляла по рынку, держа на руках А-Юаня.

Прошло три года. А-Юань немного подрос, но остался таким же милым и неуклюжим, а вот Юэ Линчжи сильно изменилась: она вытянулась и превратилась в настоящую девушку.

Год назад она подала заявку на перепланировку рынка и взяла на себя весь проект реконструкции. Духовных камней ушло немало, но недвижимость везде приносит огромный доход. Когда она распродаст все построенные магазины, до самой стадии Золотого Ядра она сможет почивать на лаврах и не беспокоиться о деньгах.

Конечно, другие не дураки, просто раньше никто не догадывался, что на рынке можно так зарабатывать. В будущем таких выгодных сделок ей уже не видать.

Все знали, что Юэ Линчжи теперь богата, и на улице она постоянно чувствовала на себе горящие взгляды других практиков — так люди смотрят на ресурсы и богатство. Поначалу это вызывало дискомфорт, но со временем она научилась не обращать на это внимания.

Юэ Линчжи зашла в свой магазин. Всего у неё было десять помещений: девять она сдала в аренду, а в последнем продавала собственные талисманы и порошки.

Все магазины были одинаковыми двухэтажными домиками. Если кому-то нужно больше места, можно надстроить этажи, но ей хватало и двух.

Внутри Сяо Тао приводила в порядок полки, а Мао-эр обслуживал клиентов. Заметив её, он поздоровался: Сестра А-Чжи!

Сяо Тао за эти три года стала чуть пышнее и выше, она походила на молодую иву весной — может, не самая яркая, но на неё приятнее всего смотреть.

Юэ Линчжи ответила: Работайте, я пойду наверх.

На втором этаже было место для отдыха: маленький столик с фруктами, кушетка у окна и стеллажи с книгами — как нефритовыми пластинами по совершенствованию, так и обычными мирскими романами. А еще там стоял маленький бамбуковый домик — гнездышко А-Юаня.

Юэ Линчжи почесала А-Юаня за ушком и посадила в домик.

В районе Цветочного медведя изначально не было бамбука, но однажды Юэ Линчжи решила попробовать дать ему молодые побеги, и А-Юань их полюбил.

А-Юань, грызя бамбуковую палочку, почувствовал, что его перенесли, и уставился на «преступника» своими черными глазками.

Юэ Линчжи рассмеялась, поцеловала его в нос и сказала: Маме нужно работать, будь умницей, хорошо?

А-Юань проигнорировал человека, который вечно приставал к нему, и принялся пробовать домик на зуб.

Юэ Линчжи села за столик и открыла бухгалтерскую книгу.

Её сил на весь магазин не хватало, поэтому три года назад, собрав первый урожай духовных растений, она начала учить Мао-эра, Сяо Тао, Шэнь Хуаньняня и Цинь Сюаня рисовать талисманы. Кроме неусидчивого Цинь Сюаня, остальные трое кое-чему научились.

Сяо Тао преуспела больше всех: она могла целыми днями сидеть в комнате за рисованием и медитацией. Если бы не Цинь Сюань, который вечно вытаскивал её на улицу, она бы стала настоящей затворницей.

Мао-эр был слишком непоседлив: из десяти талисманов у него получалось пять, но он не любил сидеть на месте и при первой возможности убегал тренироваться с мечом.

У Шэнь Хуаньняня был настоящий талант — он схватывал всё на лету. Несколько видов талисманов, которые он создал сам, стали визитной карточкой магазина.

Юэ Линчжи быстро подсчитала доход за месяц: чистая прибыль составила один духовный камень высшего качества. В мире совершенствования один духовный камень высшего качества приравнивался к ста среднего или десяти тысячам низшего качества. Для неё это был нормальный показатель: в секте не проводилось крупных мероприятий, и кроме учеников, уходящих на задания, заходили лишь редкие ученики внутренней секты, чтобы купить дорогие боевые талисманы. Больше всего продавалось талисманов сбора энергии, а также бытовых талисманов — прибыль небольшая, но обороты хорошие.

Магазин приносил стабильный доход, и Юэ Линчжи была довольна. К тому же, бумагу и чернила они делали сами, так что расходы были минимальными.

Юэ Линчжи получала неплохую сумму в месяц, часть прибыли она раздавала Сяо Тао и остальным в качестве поощрения. А ещё у неё было девять других магазинов, каждый из которых приносил по три духовных камня среднего качества в месяц — этого вполне хватало на безбедную жизнь.

Конечно, будучи экономной по натуре, Юэ Линчжи не собиралась сорить деньгами.

<http://bllate.org/book/20358/2035316>